Check against delivery

Выступление представителя Российской Федерации в Шестом комитете 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М.В.Заболоцкой по пункту 144 повестки дня «Доклад Комиссии международного права»

3 ноября 2004 года

Благодарю Вас, г-н Председатель,

Прежде всего, позвольте поблагодарить председателя Комиссии, г-на Т.Мелешкяну, за прекрасное представление ее доклада.

1. По нашему мнению, работа Комиссии над темой **«Дипломатическая защита»** продвигается успешно. Представление проекта статей в первом чтении - это значительное достижение. В этой связи хотели бы, прежде всего, поблагодарить Спецдокладчика, г-на Джона Р.Дугарда. Поддерживаем настрой Комиссии на завершение работы над данной темой в течение этого пятилетия.

Нам представляется правильно очерченной сфера охвата проектов статей. Вопросы т.н. функциональной защиты со стороны международных организаций, вопросы, затрагиваемые доктриной «чистых рук», вопросы делегирования дипломатической защиты, последствий ее осуществления, на наш взгляд, вполне могут быть оставлены в стороне.

В то же время по-прежнему вызывает сомнения положение проекта статьи 13 «Другие юридические лица», согласно которому проекты статей 9 и10,

применимые к корпорациям, подлежат применению «с соответствующими изменениями» к дипломатической защите других юридических лиц. Учитывая многообразие видов юридических лиц и практики правового регулирования их статуса, данная норма, на наш взгляд, не способствует прояснению ситуации. Думается, нет в этой области и достаточного материала для кодификации. В этой связи хотели бы напомнить о прошлогоднем предложении российской делегации. Его суть в том, чтобы изъять вопрос о «других юридических лицах» из проекта, и одновременно дополнить его клаузулой о том, что статьи не наносят ущерба праву на дипломатическую защиту юридических лиц, которые не могут считаться «корпорациями» по смыслу проекта статьи 11.

Важно, что правило исчерпания внутренних средств, согласно проекту статьи 15, распространяется только на представление международного требования или запрос декларативного решения, но не на другие дипломатические действия, покрываемые понятием «дипломатическая защита», согласно проекту статьи 1.

Дополнительных размышлений заслуживает проект статьи 16 («Исключения из правила о внутренних средствах правовой защиты»). Полагаем, что при определении критериев, исключающих требование исчерпания внутренних средств, эти средства не должны a priori ставиться под сомнение. Вызывает сомнения, в частности, наличие в проекте одновременно пункта a) и второй части фразы, содержащейся в пункте c) проекта статьи 16. Да и положение пункта 3 комментария к этому проекту статьи не выглядит убедительным: если «отсутствие независимости внутренних судов является общеизвестным фактом», то почему же инвестор так рисковал, делая инвестиции в этой стране?

Возникает вопрос, не является ли слишком низким предусмотренный проектом статьи 16 «порог» исчерпания внутренних средств защиты?

Стоит, по-видимому, дополнительно проанализировать и положения, касающиеся защиты акционеров. Конструкция проекта статьи 11 представляется правильной: по общему правилу государство гражданства или национальной

принадлежности акционера не имеет права осуществлять его дипломатическую защиту. Это право возникает лишь в исключительных случаях. Однако не слишком ли расплывчато сформулированы эти исключения, в частности, в пункте а) проекта статьи 11? Складывается впечатление, что формулировка этого пункта позволяет, например, акционерам, зарегистрировавшим корпорацию в оффшорной зоне, намеренно ликвидировать ее с тем, чтобы получить доступ к защите со стороны государства своего гражданства или национальной принадлежности.

Наконец, отметим, что, на наш взгляд, не все ясно с проектами статей 17 и 18. Несмотря на пояснения в комментариях, при прочтении этих статей складывается впечатление, что между ними нет четкой грани. Статья 18, в частности, явно выходит за пределы инвестиционных договоров, которым, судя по комментариям, она посвящена. Возникает вопрос: в каких случаях при сравнении режима дипломатической защиты с механизмами защиты, предусмотренными иными нормами международного права, следует руководствоваться положениями статьи 17, а в каких – положениями статьи 18?

Г-н Председатель, мы надеемся, что высказанные нами соображения окажутся полезными при завершении работы над проектами стаей во втором чтении.

2. Делегация Российской Федерации приветствует принятие в первом чтении проектов восьми принципов по теме **«Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом».** Полагаем, в работе Комиссии над данной темой произошел реальный прорыв. И в этой связи мы хотели бы выразить особую признательность Специальному докладчику, г-ну Пеммараджу Шринивиса Рао.

Как известно, по ряду основных вопросов данной темы нет единства во взглядах ни среди государств, ни в доктрине. В этой ситуации именно «руководящие принципы» были бы наиболее подходящей формой итогового документа.

Разделяем мысль о целесообразности того, чтобы в работе над темой ограничиться сферой действия проекта статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности (проект принципа 1). Это относится, в частности, к тому, что речь должна идти о значительном ущербе.

Полагаем, комиссия приняла правильное решение не включать в сферу охвата принципов ущерб окружающей среде за пределами национальной юрисдикции.

По нашему мнению, является оправданным принятие Комиссией такой модели распределения убытков, согласно которой основная ответственность за возмещение причиненного ущерба возлагается на лицо, под управлением или контролем которого осуществлялась деятельность во время инцидента (т.е., исходя из пункта «е» проекта принципа 2, - на оператора). Думается, такой подход соответствует принципу «загрязнитель платит», закрепленному не только в международном праве, но и, например, в российском законодательстве.

Разделяем тезис о важности участия государства в схеме распределения убытков. На наш взгляд, проекты принципов правильно, т.е. достаточно, гибко формулируют роль государства в обеспечении того, чтобы жертвы не несли в одиночку бремя убытков в результате ущерба. В проектах нет прямого указания на обязанность государства возмещать убытки жертвам трансграничного ущерба. В то же время пункт "h" проекта принципа 3 и проекты принципов 4-8 сфокусированы на обязательстве государства принимать необходимые меры для обеспечения предоставления оперативной и адекватной компенсации жертвам трансграничного ущерба.

Дополнительного анализа заслуживают, как представляются, содержащиеся в проекте принципа 2 определения. Например, не вполне убедительны, на наш взгляд, мотивы в пользу допустимости охвата понятием «ущерб» ущерба окружающей среде per se. Общего подхода в этом плане в ходе дискуссий в Комиссии, насколько известно, выработано не было.

В заключение хотели бы поддержать нацеленность Спецдокладчика и членов Комиссии на энергичное и результативное продолжение работы над

темой. Считаем, что завершение работы Комиссии над данной темой и принятие принципов об ответственности, наряду с принятым проектом статей о предотвращении, станет реальным и значительным вкладом в кодификацию и прогрессивное развитие международного права.

3. В заключении хотели бы высказаться в поддержку решения Комиссии международного права о включения двух новых тем ее текущую программу работы. Полагаем, что тема «Выдворение иностранцев» является в опредленной мере логическим продолжением темы «Дипломатическая защита» и ее рассмотрение позволит комплексно оценить вопрос о защите иностранных граждан. В связи с все большим распространением вооруженных конфликтов в различных регионах мира, с сожалением приходится констатировать актуальность темы «Последствия вооруженных конфликтов для договоров». На наш взгляд, рассмотрение в Комиссии темы «Обязательство выдать или судить» поможет прояснить вопрос является ли это обязательство обычного международного права, а также определить его объем.

Благодарю Вас Г-н Председатель